

Так благородным надлежит сердцам.
 Мой каждый вздох спешит навстречу к вам.
 4 Как жить, не воздыхая, мне на свете!
 Глаза мои передо мной в ответе –
 Я лил бы слезы чаще, знаю сам.
 Оплакиваю лучшую из дам,
 8 Чтоб душу в грустном облегчить сонете.
 И призывают часто воздыханья
 Ту, что в чертог небесный отошла,
 11 В высокие небесные селенья,
 Чтоб презрела мирские все дела
 Моя душа в объятиях страданья,
 14 Лишенная блаженства и спасенья.

XXXIII.

Закончив сонет, я стал размышлять о том, кому он предназначен и под чьим именем должен появиться. Тогда я понял, что услуга моя была скаредна и незначительна, ибо я писал для лица, связанного столь тесными узами родства с преславной дамой. Поэтому, прежде чем дать ему сонет, я написал две станцы канцоны: одну действительно для него, а другую для себя, хоть и кажется, если не взглядываться внимательнее, что обе сложены для одного лица; но тот, кто пристальнее проникнет в смысл, увидит, что там говорят разные лица: один не называет эту даму своей дамой, другой же называет, как это всем ясно.

Я дал ему и сонет и канцону, сказав, что написал их для него.

Канцона начинается: «Который раз – увы!..» – и содержит в себе две части: в первой, то есть в первой станце, выражает скорбь этот дорогой моему сердцу друг, ближайший родственник моей дамы; во второй я сам ее оплакиваю; она начинается: «Незримо порождают воздыханья...» Итак, ясно, что в этой канцоне горько скорбят два лица: один – как брат, другой – как слуга.

Который раз – увы! – припоминаю,
 Что не смогу увидеть
 Прекрасную. В сердечной глубине
 Лишь злую скорбь и горечь ощущаю.
 5 Твержу наедине:
 «Ты эту жизнь должна возненавидеть,
 Душа, могла бы ты предвидеть
 Все треволенья и отсель уйти.
 К печальным дням не простирай объятия».
 10 И Смерть готов призвать я,
 Обитель тихую и цель пути.
 «Приди ко мне!» – душа моя взывает,
 И тем завидую, кто умирает.
 Незримо порождают воздыханья
 15 Рыдающие звуки.
 Я Смерти власть, печальный, возлюбил.
 Лишь к ней одной летят мои желанья
 С тех пор, как поразил
 Мадонну гнев ее. Всю жизнь на муки
 20 Я осужден. И в горести разлуки
 Ее красу не видит смертный взор.
 Духовною она красою стала